

ТАКОЙ ЖЕ, КАК МЫ

Объяснительная записка

Анны Калинкиной

Во «Вселенной Метро 2033» не всем городам везет одинаково. Понятно, что наибольшее количество романов написано про Москву и Питер. Остальной мир объят фрагментарно. Тем не менее есть места, которым посчастливилось привлечь внимание не одного, а двух или даже трех авторов. Например, Самара, которую увековечили Сергей Палий, затем Сергей Чехин, а потом еще и Дмитрий Манасыпов. А теперь вот и Новосибирск, впервые открытый Сергеем Москвиным, а также обжитый Олегом Грачом, вновь появляется — теперь уже в книге Валерия Желнова, который, отправив туда своих героев из Томска в первом романе, установил связь между этими городами.

Читатели по достоинству оценили дебютный роман Валерия — первый «Реактор». Мне кажется, дело не только в новой локации, но и в выборе главного героя. Мы, безусловно, любим романы о том, как молодой человек по собственной инициативе отправляется на поиски приключений. Но когда герой находит их с избытком на все части тела и начинает получать плюхи от судьбы, мы следим за ним не только сочувственно, но иной

раз и с некоторым злорадством. Мол, сам напросился, коли на месте спокойно не сиделось.

Но куда более драматичными бывают ситуации, когда обычный человек, приключений вовсе не искавший, вдруг оказывается в эпицентре бурных событий против воли. Вот, например, живет он в своем доме мирно много лет, и вдруг ему сообщают, что здесь пройдет скоростная магистраль, а обитателю здания, мешающего благой цели, следует оперативно катиться на все четыре стороны — куда глаза глядят. И простой обыватель берет ружье и занимает оборону в родном жилище. И мы горячо сочувствуем такому персонажу — он ведь не хотел. Его вовлекли. Его вынудили. Не он первый начал.

Так и главного героя произведений Валерия Желнова — рядового полицейского Дмитрия Зорина — опрометчивым юнцом не назовешь. Ему уже перевалило за тридцать, он женат и вовсе не ищет перемен. Наоборот, хочет жить обычной жизнью. Но волею судьбы Зорин вовлечен в рискованные авантюры, вынужден защищать своих близких. Он — не супермен, который идет напролом без страха и сомнений, разя врагов направо и налево. Он — такой же, как мы. Ничто человеческое ему не чуждо. Он боится, сомневается, рефлексировать, и потому кажется нам еще ближе и понятнее.

Пожалуй, можно сказать, что Дмитрий — альтер эго самого автора. А тому, врачу «скорой помощи», наверняка довелось повидать немало интересного. Думаю, мы любим серию еще и потому, что в ее создании принимают активное участие не только признанные писатели, но и одаренные непрофессионалы-энтузиасты: инженеры, врачи, следователи, учителя, юристы, экскурсоводы, даже художники. И у каждого — свой уникальный жизненный опыт, а объединяет их одно — им есть что сказать людям!

Пролог

Одинокая керосиновая лампа стояла посреди стола, освещая небольшое пространство вокруг себя. Стекло от нее давно уже разбилось, и оранжевая полоска пламени неровно подрагивала, испуская в потолок черные струйки маслянистого дыма. Серые стены покрывал неровный слой облупившейся штукатурки и кое-где чудом сохранившейся темно-зеленой краски. Там, где штукатурка выкрошилась особенно глубоко, в свете лампы тускло поблескивала глянцевая поверхность железобетонной плиты. Окна отсутствовали, и только массивная дверь давала понять обитающим здесь людям, что они не замурованы заживо в большом саркофаге. Воздух был настолько спертым, что, казалось, можно было ощутить его липкое прикосновение, потрогать его рукой. Где-то под потолком вяло брякал лопастями древний вентилятор, но его усилий не хватало, чтобы даже слегка пошевелить эту невидимую завесу. Снаружи, из-за плотно закрытых, потемневших от времени металлических створок, доносился механический гул. Что-то равномерно гудело, ритмично стучало, изредка слышались голоса. Человеку, впервые оказавшемуся в этой комнате, могло бы почудиться,

что он попал на какой-то завод или фабрику. Но это было не так. И вряд ли этому гипотетическому человеку захотелось бы узнать, где он очутился на самом деле.

За столом сидели двое. Их лица скрывала темнота, но это никак не мешало разговору. Они очень давно знали друг друга и не нуждались в зрительном контакте. Потертый камуфляж выдавал в них военных, а цепкие, въедливые взгляды глубоко посаженных глаз говорили о большом жизненном опыте и высоком статусе. Эти люди привыкли приказывать.

— Мы должны этим воспользоваться, — сказал один. — Такой шанс выпадает один раз.

ГЛАВА 1

НОВЫЙ ДОМ

Дима вышел из туннеля и медленно побрел по перрону Маршальской, как вскоре после Катастрофы стали называть станцию Маршала Покрышкина. Илья Ильич, пожилой обходчик, равнодушно махнул ему рукой и направился в свой угол, не дождавшись, ответит Дима ему или нет. Впрочем, им обоим это было все равно. Дима Зорин вместе со своей женой появился здесь два месяца тому назад. Появился неожиданно, на короткое время нарушив размеренный распорядок на станции. Этот момент стал для него тяжелым, сложным, неприятным. С тех пор прошло очень мало времени, и Дмитрий вспоминал те события в мельчайших деталях, испытывая гамму крайне неприятных чувств — страх, стыд, омерзение, отчаяние. Их с женой сразу же разделили, объяснив это необходимостью карантина. Как позже рассказала Лена, ее действительно будто бы держали на карантине — маленькая комнатка местного медицинского пункта, стены из относительно белых простыней, многократное медицинское обследование, которое сводилось к измерению пульса, выслушиванию чего-то в ее грудной клетке и небрежному ощупыванию ее округлого живота. Доктор,

если это был доктор, оказался человеком в годах. Его лицо было настолько морщинистым и темным, а пальцы — сухими и холодными, словно он всю жизнь прожил в пустыне. Кормили гостью достаточно сытно, хотя вкус и оставлял желать лучшего. А вообще Лена подозревала, что еду ей давали лишь благодаря ее беременности. Выражение лица, с которым приходящая женщина накладывала порции своей подопечной, ясно давало понять, что из-за нее кто-то в это же время получает меньше.

Условия же содержания Дмитрия мало походили на тот медицинский рай, в котором оказалась его супруга. Больше это походило на допросную. Или пыточную. Зорина привели в маленькое темное помещение, где худощавый человек с курносом, почти мальчишеским лицом сначала вежливо выяснил его имя, звание, род деятельности, имя его жены, откуда и зачем они прибыли. Но когда Дима максимально подробно ответил на все вопросы и попытался отхлебнуть из поставленной перед ним дымящейся кружки, ее выбили из его рук, ошпарив кипятком пальцы и колени. Зорину связали руки за спинкой стула, и началось страшное. Сначала на него начали просто орать, брызжа слюной прямо в лицо. Требовали признаться в каких-то преступлениях, называли имена и места, о которых Дмитрий слышал впервые. Кричали на него сразу несколько человек, задавая вопросы одновременно. Пленник растерялся, не зная, кому отвечать первому, а они все орали и требовали ответов. После каждого его неуверенного «не знаю» следовал удар обрезиненной палкой по столу или по краю стула. Сколько это продолжалось, Зорин сказать не мог. Но, судя по всему, им занимались профессионалы своего дела. Его даже пальцем никто не тронул, а Дима уже был полностью раздавлен. Он не понимал, где находится и чего от него хотят. Голова кружилась, а в виски словно вкрутили два огромных ржавых болта. Зорин сидел, вздрагивая каждый раз, когда палка с грохотом обруши-

валась на столешницу или со свистом пролетала рядом с его головой, и тупо повторял: «Не знаю, не был, не знаком...», уже даже не слыша задаваемые вопросы. Еще немного, и он признался бы во всем, в чем бы ни приказали, и подписал бы любую бумагу, даже не читая. Внезапно все это прекратилось. Палачи, словно по команде, разом замолчали и вышли из комнаты. Последний, выходя, выключил свет, оставив Дмитрия в полной темноте. Оставшись в одиночестве, тот зарыдал. Руки оставались по-прежнему связанными за спиной, и слезы с соплями и слюнями беспрепятственно катились по лицу и капали на грязные штаны. В голове шумело, а сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди или остановится, не выдержав такого прессинга. В душе Зорина бушевал ураган. Опасение, что с его женой обращаются так же, если не хуже, перемешивалось с подленьким страхом за свою жизнь. Уверенность в том, что он ни в чем не виновен, сменялась трусливой готовностью потакать палачам во всем, лишь бы это все не повторилось. Так страшно Дмитрию не было даже у людоедов. Сейчас Полковник казался ему не таким уж и плохим. Раз за разом Зорин проклинал себя за решение бежать из Томска. Постепенно измученный мозг стал отключаться. Дима несколько раз впадал в забытие, резко вздрагивая, когда тело обмякало на стуле. Наконец, несчастный полностью расслабился и погрузился в сон. Но, как только это произошло, в комнатке резко загорелся свет, намного ярче, чем раньше, и попытка возобновилась. В этот раз палачи перешли к телесным контактам, не сильно, но очень болезненно ударяя по определенным местам Диминого тела. И снова раздавались крики и бессмысленные вопросы. Так повторилось три или четыре раза. Может, больше — Дмитрий потерял счет времени и ощущение реальности. В конце он просто молчал, ожидая, что его начнут бить всерьез и забьют до смерти. Внезапно в комнате загорелся вполне терпимый для глаз мягкий

свет, Димины руки развязали, а перед ним поставили новую кружку с дымящимся напитком.

Севший перед ним пожилой человек сцепил пальцы перед собой и приветливо улыбнулся. Дима медленно отхлебнул из кружки.

— Вы уж извините нас, — начал его собеседник, — время сейчас такое. Надо было убедиться, что вы не шпион или террорист. Уж очень необычно вы к нам попали, с поверхности, напрямиком из Томска. Я уже и забыл, что такой город существует. И как вы там выжили? У вас же нет метро?

Зорин покачал головой, не сводя глаз с приветливого лица. Каждую секунду он ожидал какого-нибудь подвоха.

— Вот и я про то же, — продолжил мужчина. — Так, значит, все, что вы нам вначале рассказали — правда?

Дмитрий кивнул.

— Ага, ага, очень интересно. Работающий реактор, значит. Угу.

— На ладан дышащий реактор, — решил подпортить собеседнику настроение Дима. — Рвануть может в любой момент.

— Угу, — опять повторил тот, — это обидно. Даже плохо, я бы сказал. Нам тут дополнительное заражение ни к чему.

«Ничего, потерпите, — злорадно подумал Зорин. — Вы нас двадцать лет травили, теперь мы вас — еще лет сто».

Естественно, вслух он такое произносить не стал.

— Ладно, — собеседник хлопнул ладонью по столу и поднялся. — Можете идти. Мы вам работку подыскали, пока вы тут... находились. Ну, чтобы, как говорится, задарма не жрать. Найдете Илью Ильича, поступите в его распоряжение. Он вам объяснит, чем вы будете заниматься. Ваша жена, естественно, будет находиться на полном пансионе. Ну, какой возможен в нынешние времена. Как родит, найдем и ей занятие. Все, можете идти. Жену отыщете в медицинском блоке.

Он направился к дверям.

— Да, — он остановился на пороге. — И зла на нас не держите. Обычный рабочий момент, и лишние обиды никому не нужны. Ни вам, ни нам. До свидания.

Дима молча допил «чай» и вышел из комнаты. Его никто не остановил.

Теперь Зорин был помощником путевого обходчика. В его обязанности входило проверять железнодорожные пути на протяжении примерно пятисот метров от последнего блокпоста, смотреть за состоянием полотна, установленных в туннелях турбин, вырабатывающих электричество, собирать трупы крыс и другой живности. Заодно и докладывать обо всяких странностях, которые могли встретиться по дороге. Дмитрий пока еще не видел ничего необычного, но старожилы, собирающиеся иногда у костров, рассказывали о чертовщине, творившейся в туннелях — призрачных фонарях, способных унести тебя к черту на кулички, странных мутировавших птицах с зубами, мистических метропоездах, голосах и так далее. Слушая эти байки, Зорин в глубине души был уверен, что все это нужно делить на два, а то и на три. Но все равно, внимая очередному рассказчику, поживался от пробегающих по коже мурашек, а взгляд его невольно перемещался на черное жерло туннеля.

Вообще, Дмитрий чувствовал себя неуютно в метро. Привыкший к открытой местности, к серому и дождливому, но все-таки небу, он плохо переносил круглосуточное нахождение в замкнутом пространстве станции. Стены давили, а низкий потолок туннеля, казалось, вот-вот рухнет и раздавит. Внутренние биологические часы тоже дали сбой, обеспечив бессонницу, раздражительность и плохое самочувствие. Димин мозг отказывался понимать, как можно различать день и ночь, если над головой один и тот же серый потолок. Поэтому, когда Зорину предложили работать «в ночную», он согласился — какая, собственно, разница. День, ночь — все едино.

После Диминого допроса и Лениной «выписки» им, как семье, ожидающей ребенка, выдали потертую, залатанную в нескольких местах палатку и выделили место на перроне. Несколько дней дали на обживание. За это время Зорин смог собрать кое-какие вещи — тонкий матрас, миску и кружку, а также разобраться с графиком работы общей столовой, прачки и душевой.

Уже с первых дней пребывания на станции к Дмитрию стали подходить различные мутные личности и, как бы между делом, спрашивать, откуда он прибыл и действительно ли там есть работающий ядерный реактор. Как до него можно добраться? Самый наглый напрямую поинтересовался, не хочет ли Дима прогуляться обратно в Томск и показать, как там и что?

Сначала Зорин старался отвечать уклончиво и достаточно вежливо — мол, есть реактор, но старый, может рвануть, и пользы от него никакой, кроме вреда. Говорил всем одно и то же, надеясь, что от него вскоре отстанут. Но последний нахал переполнил чашу Диминого терпения. Схватив наглеца за грудки, Зорин на глазах окружающих прижал его к стене и пригрозил, что если к нему или к его жене хоть кто-нибудь еще раз подкатит с подобными предложениями, то он, Дима, проломит тому голову. Для ясности он повторил, что в Томск возвращаться не собирается. Ни под каким видом! Никогда! И от Зорина отстали. Уже неделю к нему никто даже не приближался, чтобы обсудить очередное «заманчивое» дельце.

Дима подошел к своей палатке и тяжело опустил на потрескавшийся мрамор. Он слегка отогнул клапан и осторожно заглянул внутрь. Судя по станционным часам, сейчас было раннее утро, поэтому Лена мирно спала, закутавшись в заштопанный кусок материи, заменявший им одеяло. Она, как ни странно, легче и быстрее Димы приспособилась к новым реалиям. Станный народ эти женщины. Станный и удивительный.

Зорин тихонько закрыл вход в палатку, осторожно переместился к ближайшей колонне и, опустившись на пол, прислонился к ней спиной, закрыв глаза и вытянув ноги. Хорошо. Спокойно. Сразу же нахлынули воспоминания. Это случалось всегда, когда возникала свободная минутка, и голова не была заморочена текущими проблемами. Несмотря ни на что, их с Леной переживания постепенно стали отходить на второй план. Быт налаживался, и все плохое, что случилось с ними, потихоньку забывалось, погружаясь во тьму прошлого. Только одно мучило Дмитрия, терзало, не давая успокоиться.

Егор. Плахов. Его друг.

Голова склонилась, Дмитрий стал засыпать. И, как это часто случалось в последнее время, перед его внутренним взором встал тот день, когда они вошли в Новосибирск.

* * *

Путешественники стояли на разломанном асфальте и глядели на раскинувшийся перед ними город. Пустынная дорога и редкие деревянные постройки остались позади, и по сторонам все чаще стали попадаться сгоревшие и не очень заправки, склады, дорожные кафе и мотели. Это были промышленные окраины Новосибирска. Так как датчик дозиметра стабильно горел красным, люди не снимали костюмы химзащиты и противогазы уже сутки. Надо было скорее дойти до метро, ведь фильтры противогазов засорились прямо на глазах. Да и Лене не стоило так долго находиться на открытом пространстве. Дима стал замечать, как его жена, видимо, непроизвольно, все чаще обхватывает руками живот, как будто стараясь защитить их ребенка от враждебной и опасной среды.

Машина, несмотря на заверения Николая Михайловича, приказала долго жить аккурат на границе с Новосибирском.